

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Молодым Александра Романова все звали Шашей, жил он тогда с отцом, в селе, в доме под железной крышей, а бил его отец, Роман.

Роман мнил себя первым человеком в округе, самым гос-подам дворянам совал руку при встрече. Была у него лавка в селе, мельница за селом, а богател он тем, что скупал по-мещичьи рощи на сруб. Макару, родному брату его, есть бы-ло нечего; он, оборванный, плелся по выгону и смиренно говорил, снимая шапку: "Здорово, брат!" А Роман, сытый, похожий на дьякона, отвечал ему с крыльца: "Ты меня, ду-ралей, не обращай. Брат, брат! Поклонись да иди, куда шел, а в разговоры не лезь". Что же должен был чувство-вать единственный наследник такого человека? Он по селу гулял в поддевке тонкого сукна, в сапогах с лакированными голенищами, наигрывал польки на дорогой ливенке. Встре-чались ему девки и ребята и провожали его теми взглядами, от которых у людей известных мурашки бегут по спине. Но мрачным и даже свирепым взглядом встречал он эти взгля-ды: вся молодость его прошла как бы в приуготовлении себя к той роли, в которой достиг он впоследствии такого совершенства.

Роман на вершине благополучия стал слабеть, запуты-ваться в делах. Сивый, бородатый, длиннопузый, в казине-товой поддевке, похожей на подрясник, он только во хме-лю бодрился, а трезвый был уныл и нарочито груб. Слава и могущество еще были у него. Он на выгоне возле церкви, против своих окон, выстроил школу, был попечителем ее и в любую минуту мог заставить учителя в ногах у себя ва-ляться. Он еще мог угостить гостя шпротами, кислым ома-ром в ржавой жестянке, цимлянским и, угощая, покрикивал а кого попроще: "Пей, глупей!" Но пора, пора было сме-нить его. А кому? Смены-то и не было. Шаша все больше втягивался в свою роль, роль человека, чем-то кровно оскорбленного, - и отношения между ним и Романом своди-лись только к тому, что Роман таскал его за "виски". Шаша, по его словам, ангела мог вывести из себя, не таскать его нельзя было. И он таскал. А чем больше таскал, тем все не-стерпимее становился Шаша.

Ему ли было не гордиться домом, могуществом и повад-ками отца! Отец при гостях кричал на него: "Да будь ты ма-ленько поразвязней, дуралей!" Но ведь это была повадка тех, кому подражал отец, повадка купцов, а разве не выс-шая гордость - чувствовать себя купеческим сыном? Отец даже хвастался им порою, самодовольно говорил гостю: "Постой, я тебе сына покажу!" - и горланил на весь дом: "Шаша, подь суда, тобой Миколай Михайлыч антересуется!" Но, ах, как входил Шаша в комнату, где сидел гость с отцом! Он входил, багровея, глядя из-под насупленных и пе-рекошенных бровей, руки держал туго, кренделем, ступал еще туже, внутрь носками и так щеголевато, точно пятую фигуру кадрили танцевал, а шаркнув гостю, тотчас же от-скакивал к окну, к притолоке, раздувая ноздри, кусал зау-сенцы, на вопросы отвечал с нелепейшей краткостью и рез-костью. Как же было не бить его? Гость уезжал; Роман, про-водив его, молча подходил к Шаше и, размахнувшись, крепко сгребал Шашу за волосы. Шаша молча вырывал го-лову из его пятерни и, выскочив в прихожую, бил себя ку-лаком в грудь:

- Нну, папаша! Я молчу! Я все-е молчу! - шипел он зловеще.

- Да животная ты этакая! - орал Роман. - Ведь за это за самое молчанье да ломанье я и бью-то тебя! Значит, ты сам того добиваешься? Зачем? Почему?

- Прах моей могилы все узнает! - отвечал Шаша яро-стно и загадочно.

Он ли не в рубашке родился! Деньги у него не переводи-лись, одевался он щеголем, ухаживал на вечеринках за ко-кетливыми поповнами, за дочерьми станового, танцевал с ними под аристон. Но и ухаживал он как-то едко, срыву. Да что! Даже наедине с самим собой, глядясь в зеркало и взби-вая металлическим гребешком свое бурое руно, изверски косился он. Нос у него был раздавленный, голос хриплый, вид каторжный, мужики называли его палачом. Кажись, не велика честь! Так нет, он и этим наслаждался. "Подколод-ный дьявол! - говорили мужики. - Все ему не нравится, все не по его, не так!" И он изо всех сил старался оправдать эти клички. "Хто? Это Шаша-то подколодный? - спрашивал Роман с негодованием - Да такими подколодными хоть мосты мости! Он дурак, ахтер, лодарь прирожденный, и боль ниче-го. Чего он карежится? Какого ему рожна надобно?" А Шаша глядел с ядовитой усмешкой да помалкивал. "Ну вот, глянь, глянь на него! - говорил Роман, - Глянь, что он стро-ит из себя!" А Шаша все выше косил брови и уже сам верил, что закипает в нем что-то ужасное. "Ох, папаша! - шипел он, как бы не выдержав. - Ох, сказал бы я вам одну штуку!" Роман, унылый, с обвислыми мешками под глазами,